

ОН ВЗЯЛ ЕЁ СИЛОЙ.
ОНА СТАНЕТ ЕГО СМЕРТЬЮ.

КОНАН

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НАСЛЕДНИЦА ДОЛИНЫ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО • ВЛАСТЬ • ЛЮБОВЬ • СВОБОДА

Secret Mystery

Конан: Наследница долины

<https://litres.ru/74217018>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он сжёг её мир.

Она стала его тенью.

Девять лет она ждала.

Ждать больше не придётся.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Конан: Наследница долины

Пролог

Я сижу в яме.

Грязной, холодной, вонючей. Стены скользкие, земля сырая, а сверху капает вода. Кап. Кап. Кап.

Я слышу, как где-то наверху смеются люди. Они пьют. Они празднуют. Они думают, что сломали меня.

Может быть, так оно и есть.

Девять лет я шла к этому моменту. Девять лет я строила планы. Девять лет я улыбалась ему в лицо, слушала его приказы и делала вид, что я смирилась. Я плела интриги. Я становилась гадюкой. Так меня называли. Я делала себя сильной.

И вот я снова здесь. В этой яме. В той же грязи, где сидела, когда мне было пятнадцать.

Круг замкнулся.

Я думала, что смогу убить его. Я думала, что свобода — это просто. Что нужно только дожидаться момента и вонзить нож ему в горло. Но он оказался умнее. Он оказался хитрее. Он переиграл меня.

И теперь я сижу здесь, в темноте, и слушаю капли воды. Но я не сдалась.

Я не знаю, как я выберусь. Я не знаю, что будет дальше.

Но я знаю одно: я ещё жива.

А пока я жива — ничего не кончено.

Меня зовут Конан.

И я расскажу вам, как я здесь оказалась.

Глава 1

Я просыпаюсь от запаха.

Утренняя каша в общем котле. Горячая, жидкая, пахнет дымом и травами. Я привыкла. Все мы привыкли.

Солнце ещё не взошло, но в щели между брёвнами уже пробивается серый свет. Я лежу на шкурах — медвежьих, волчьих — мне всё равно. Тепло есть тепло. В этом мире не спрашивают, чья шкура под тобой. Спрашивают только: жива ли ты ещё.

Я жива.

Всегда жива.

Моё тело помнит эту постель. Помнит руки, которые прикасались к нему. Вспоминать не хочется. Я научилась не вспоминать. Я научилась отрезать память, как отрезают гнилое мясо, чтобы не заразилось всё остальное.

Гримхорд спит рядом. Его дыхание — тяжёлое, хриплое. Ему сорок пять, а кажется, будто шестьдесят. Власть старит. Жестокость старит. Но он всё ещё силён. Я знаю это по тому, как он сжимает мою руку во сне. Даже во сне он не отпускает.

Я встаю. Бесшумно. Деревянные настилы не скрипят под моими ногами — я научилась двигаться, как тень. Как гадюка. Именно так меня здесь называют. За глаза. И иногда — в лицо, когда хотят проверить, ужалю я или проглочу обиду.

Гадюка — хорошее имя. Оно мне подходит. Я не кусаю

сразу. Я жду. Я смотрю. Я изучаю. Я знаю, кто дрожит перед Гримхордом. Кто готов предать за золото. Кто мечтает занять его место. Я знаю всех. И все знают, что я знаю.

В этом моя сила.

Когда-то, девять лет назад, я была просто девочкой. Мне было пятнадцать. Меня везли в клетке, и я смотрела, как горит моё племя. Как падают стены. Как кричат те, кого я знала всю жизнь. Я не плакала. Я смотрела. Я запоминала. Я училась ненавидеть.

Гримхорд тогда не смотрел на меня. Он смотрел на добычу. На рабов. На женщин. На будущее своего племени. Я была просто ещё одним телом. Ещё одним ртом.

Он ошибся.

Я выросла. Сейчас мне двадцать четыре. И когда я смотрю в воду, я вижу женщину, которую мужчины запоминают. Синие волосы, оранжевые глаза. Странные цвета. Чужие. Пугающие. В этом мире редко встречается такое. Всегда шепчутся за спиной. Не знают, откуда это. Я тоже не знаю. Но я знаю одно: они меня запоминают. И это полезно.

Когда мне было восемнадцать, он впервые взял меня. Не спросил. Не предложил. Просто взял. Потому что мог. Потому что вождь. Потому что я была его собственностью, как этот дом, как его меч, как его скот.

Я не кричала.

Я запомнила.

Я выжила.

И теперь, девять лет спустя, я — второе лицо в племени. Я та, с кем он считается. Та, чьё слово имеет вес. Та, кто может сказать «нет» даже ему. И он это принимает. Потому что знает: потеряв меня — он потеряет больше, чем игрушку. Он потеряет ту, кто держит в руках его ближников. Ту, кто знает их слабости. Ту, кто умеет плести интриги так, что никто не догадывается, где правда, а где ложь.

Он бесится на меня. Он хочет сломать меня. Но он уважает меня. И именно это бесит его сильнее всего.

Я выхожу из дома — самого большого в племени. Деревянные стены, высокие, обтёсанные. За ними — жизнь. Сотня человек. Сотня ртов. Сотня надежд, страхов, предательств.

Люди уже встали. Женщины у костров. Мужчины проверяют оружие. Дети — их мало, очень мало — бегают по грязи. Никто не смотрит на меня. Все делают вид, что не видят. Но я знаю — они видят. Всегда видят. Они называют меня гадюкой за глаза. Они боятся меня больше, чем Гримхорда. Потому что Гримхорд убивает быстро. А я могу убить словом. Могу уничтожить взглядом. Могу выбрать, кто будет жить сегодня, а кто умрёт завтра.

Это моя роль.

Это моя клетка.

Я подхожу к главному костру. Валар — старик с одной рукой — сидит на бревне и греет пальцы. Он единственный, кто смотрит на меня без страха. Он видел, как я росла. Он

знает. Он молчит.

— Конан, — говорит он, когда я сажусь рядом.

— Валар.

— Опять не спала?

— Я всегда сплю, Валар. Когда он не берёт меня силой, я притворяюсь что сплю. Разницы нет. Главное закрыть глаза и ждать утро.

Он усмехается. Он единственный, кто может позволить себе усмехаться мне в лицо. Я позволяю ему это. Потому что он — единственный, кто напоминает мне, что я была человеком.

— Твой Гримхорд сегодня с утра злой, — говорит он.

— Он всегда злой.

— Он узнал, что логово в северном лесу снова расширилось. Гоблины плодятся быстрее, чем мы их режем.

Я молчу. Я знаю. Я всё знаю.

Гоблины. В этом мире их больше, чем людей. Они не такие, как в сказках, которыми пугают детей. В них нет разума, как у нас. Они — стая. Хищники, которые живут одним — охотой. Их когти рвут кожу, их зубы ломают кости, а их визг — это единственный звук, который они издают перед тем, как вцепиться в горло. Они не знают страха. Не знают пощады. И они плодятся быстрее, чем мы успеваем их убивать.

Говорят, когда-то их было меньше. Когда-то люди были хозяевами этих земель. Теперь мы просто добыча, которая научилась огрызаться.

— Сегодня будет совет, — говорю я. — Гримхорд соберёт ближников. Я должна быть там.

Валар кивает.

— Будь осторожна, Конан. Они не любят тебя.

— Я знаю. Но они боятся меня. А это важнее.

Я встаю. Пора.

Я иду к дому совета. Там уже слышны голоса. Гулкие, низкие. Мужские. Они спорят. Как всегда.

Я толкаю дверь.

Внутри полумрак. Несколько факелов на стенах. Длинный деревянный стол. Вокруг него сидят ближники. Пятеро. Самые сильные, самые верные, самые опасные.

Гримхорд во главе. Он смотрит на меня, когда я вхожу. В его взгляде — смесь голода, злости и уважения.

— Конан, — говорит он. — Садись.

Я прохожу. Подхожу к столу. Наливаю себе из кувшина. Потом подхожу к Гримхорду. Кладу руки ему на плечи. Медленно. Уверенно. Он напрягается, но не сбрасывает. Он позволяет.

— Ты напряжён, — говорю я тихо, почти шепотом, но так, чтобы все слышали. — Это плохо для совета.

Он усмехается. Он знает, что я играю. Но он позволяет. Потому что это тоже часть игры.

Я сажусь на своё место. Справа от Гримхорда. Ближе всех.

Передо мной — пятеро. Самые опасные люди в племени после Гримхорда. Я смотрю на каждого. По очереди. Мед-

ленно. Давая каждому понять: я вижу тебя. Я знаю, кто ты.

Тишина.

Совет начинается.

Глава 2

Передо мной — пятеро.

Первый — Ульфар. Ему под пятьдесят. Лицо обветренное, глубокие морщины, как трещины на сухой земле. Седые волосы собраны в жёсткий пучок. Он отвечает за скот. За мясо. За табуны, которые кормят племя. Без него мы голодаем. Он знает это. И ненавидит меня за то, что я знаю о нём то, что он хотел бы похоронить глубоко в земле. И я знаю, что он крадет часть приплода каждый год и продаёт соседнему племени, скрывая это от Гримхорда. Его взгляд тяжелеет, когда я улыбаюсь ему.

Второй — Халвдан. Брат Ульфара. Похож на него, как отражение, только глаза холоднее. Он отвечает за разделку, хранение мяса. Вместе с братом они контролируют всю еду, которая даёт силу воинам. Он тоже меня ненавидит. Вдвоём они уже давно обсуждают, как убрать Гримхорда и занять его место. Я знаю это. Гримхорд знает это. Но пока у нас есть общий враг — гоблины, мы терпим друг друга.

Третий — Торбьорн. Сорок лет. Его глаза вечно скользят по мне с таким голодом, что даже Гримхорд иногда морщится. Он отвечает за растениеводство — зерно, овощи, коренья. Он держит в руках то, что не даёт нам умереть зимой. Но его слабость — бабник. Он трахает всех, даже жён ближних. Я знаю каждую его ночь. И я пользуюсь этим. Доста-

точно одного взгляда, и он готов ползать у моих ног. Гримхорд этого не видит — или делает вид, что не видит.

Четвёртый — Бьорн. Сын Гримхорда. Двадцать шесть лет. Сильный, молодой, амбициозный. Он отвечает за кузнечное дело — за оружие, доспехи, наконечники для стрел. Без него мы не можем воевать. Он устал быть тенью отца. Он хочет скорее занять его место. Я знаю это, потому что он сам сказал мне, когда впервые взял меня. Он думает, что я его союзница. Я не против. На данный момент он мне выгоден. Он трахает меня так, как будто уже владеет всем, чем владеет его отец.

Пятый — Эйнар. Тридцать один год. Чужак. Пришёл к нам из разорённого племени и завоевал уважение силой и умом. Он не похож на остальных. В нём нет мерзости. Он красивый. Богатый. Сильный. Он держит казну племени — всё золото, монеты и драгоценности, которые мы добываем в боях и торговле. Народ уважает его. И я тоже. Он единственный, с кем я сплю не потому, что надо. А потому, что хочу.

Он тоже хочет свергнуть Гримхорда. Но он хочет не власти. Он хочет порядка. И тайне мы готовим переворот. Я собираю компромат. Он ищет союзников среди других племён. Именно поэтому он так часто уходит — чтобы договариваться, чтобы плести паутину, которая однажды сожмётся на горле Гримхорда. И я жду этого дня. Жду с такой же жаждой, с какой когда-то ждала, когда он впервые войдёт в мою комнату.

Глава 3

Гримхорд кашляет.

— Начнём, — говорит он.

Все замолкают.

— У нас проблемы с гоблинами, — продолжает Гримхорд.

— Их логово у северного леса снова расширяется.

Торбьорн кивает:

— Мои люди видели следы в полях. Они подходят ближе к стенам.

— Это не всё, — подаёт голос Бьорн.

Он отодвигает кружку и достаёт из-за пояса кусок чего-то, что когда-то было плотью. Чёрное. Засохшее. Он бросает это на стол.

— В прошлом бою мы видели кое-что.

Я смотрю на кусок. Я знаю, что это. Часть уха. Гоблинского. Но слишком большого.

— Мы бились с ордой в двадцать голов. Зачистили их. Но один... один был другим.

Он переводит дыхание. Сжимает челюсть.

— Хопгоблин.

В комнате повисает тишина.

Я смотрю на этот кусок плоти. Я знаю, что такое хопгоблины. Видела их трупы. Слышала рассказы охотников. Это не просто гоблины-переростки. Это совсем другая порода.

В них есть что-то от нас, от людей. Они выше — почти как человек. Их кожа серая, как у гоблинов, но их глаза смотрят иначе. В них есть расчёт. Понимание. Они не просто звери — они умеют мыслить. Не как мы, не глубоко, но достаточно, чтобы управлять ордой. Они становятся вожаками. Они планируют. Они ждут.

— Я видел хопгоблинов раньше, — продолжает Бьорн. — Но этот был другим. Он был выше. Почти под 180. Как человек. И он не бежал. Он стоял. Смотрел. Когда мы убили остальных, он повернулся и ушёл. Не побежал. Просто ушёл. Как будто знал, что мы его не догоним.

— Что значит не догоним? — рычит Ульфар. — Вы что, не могли его убить?

— Мы не могли, — Бьорн смотрит на него в упор. — Он был быстрее. И умнее. Он вёл их. И он ушёл, когда понял, что битва проиграна.

— Расскажи подробнее, — тихо говорит Гримхорд.

Бьорн кивает и откидывается на спинку.

— Мы шли по следу. Десять человек. Разведка. Лес был густой, но мы знали эти тропы. Два дня искали их логово. На второй день нашли. Группа гоблинов стояла лагерем в овраге. Около двадцати. Может, больше. Мы подошли с южной стороны. Думали застать их врасплох.

Он сглатывает.

— Они ждали нас. Я не знаю, как. Они просто ждали. И когда мы вышли на поляну, они уже стояли. Ровными ряда-

ми. Как воины. Не как звери. Мы убили десяток, но потом заметили его. Он стоял на камне. Выше всех. Я сперва подумал — человек. Но потом увидел кожу. Серую, как у гоблинов. Глаза жёлтые. Он смотрел на меня. Не боялся. Не злился. Просто смотрел. И когда он поднял руку, остальные разбежались. За секунду. Все оставшиеся гоблины. Просто исчезли в лесу. А он спрыгнул с камня и ушёл следом. Как будто дал нам посмотреть на него. Показать, что он есть.

Бьорн замолкает. В комнате тихо.

Гримхорд медленно вертит кружку в руках. Я вижу, как его пальцы побелели.

— Сколько их в целом? — спрашивает он.

— Мы насчитали около ста пятидесяти, — говорит Бьорн.

— Но с таким вожаком... они могут быть организованнее, чем мы думали.

— Мы не можем пойти на них без поддержки, — говорит Эйнар. Спокойно. Равномерно. Он всегда говорит так, как будто всё уже просчитал. — На сто пятьдесят гоблинов нам нужно сто человек. У нас их нет. Мы потеряем треть племени.

— Тогда что ты предлагаешь? — огрызается Халвдан. — Сдохнуть?

Эйнар не отвечает. Просто переводит взгляд на меня. Он делает это редко — смотрит на меня при всех. Но сейчас он смотрит.

Гримхорд замечает это. Сжимает челюсть.

— Говори, — цедит он.

— Нужно созвать соседей, — говорю я.

Все смотрят на меня.

— Ближнее поселение в двух днях пути. Гоблины дойдут и до них. Если мы организуем встречу, обсудим совместную охоту... они пойдут с нами.

Я смотрю на каждого из них по очереди.

— Мы можем дать им часть мяса. Часть зерна. А взамен — получить воинов. Это лучше, чем потерять своих.

Торбьорн нервно потирает руки.

— Но они же попросят больше...

— Они попросят. Но мы дадим им ровно столько, сколько нужно, чтобы они пошли на бой.

Гримхорд смотрит на меня. Долго. Его глаза темнеют.

— Ты думаешь, они согласятся?

— Я знаю, — говорю я. — Я поговорю с ними.

Его глаза сверкают. Гнев. Уважение. Желание. Всё в одном взгляде.

— Ты поедешь к ним, — говорит он. — Ты и Эйнар. Ты умеешь говорить. Ты — моё лицо. Если они увидят тебя, они поверят.

Я киваю.

Он не знает, что я сама хотела этого. Что именно это мы с Эйнаром и обсуждали прошлой ночью. Что поездка к соседям — это не просто дипломатия. Это шанс. Шанс заручиться поддержкой не только против гоблинов. Но и против

Гримхорда.

Я смотрю на пятерых ближников. Четыре ненавидящих взгляда. Один — уважающий. Я смотрю на Гримхорда. На его сжатые кулаки. На его тёмные глаза.

Я улыбаюсь.

— Тогда решено, — говорю я.

Гримхорд кивает.

— Сегодня готовьте людей. Завтра вы выезжаете.

Он поднимает кружку. Все поднимают следом.

— За победу, — говорит он.

— За победу, — повторяют ближники.

Я поднимаю свою кружку. Оглядываю всех.

Что ж. Удача сама плывёт в руки.

Глава 4

Вечер опустился на племя тяжёлым, холодным одеялом.

Я лежу на шкурах в доме Гримхорда. Тело ещё помнит его прикосновения — грубые, жадные. Он всегда берёт своё. Всегда напоминает, что я его. Но сегодня я позволила ему. Сегодня мне нужно было, чтобы он был доволен.

Он лежит рядом. Его дыхание уже ровное, но он не спит. Я чувствую — он думает.

— Конан.

— Ммм.

— В соседнем племени будь осторожна. Их вождь — старая лиса. Она будет торговаться до последнего. Не давай ей больше, чем мы можем потерять.

Я усмехаюсь.

— Гримхорд, я знаю. Ты учишь меня торговаться так, будто я вчера родилась. Это очевидно.

Он поворачивает голову. В темноте я вижу блеск его глаз.

— Ты слишком самоуверенна.

— Я слишком умна, чтобы быть иначе.

Он молчит. Я чувствую, как в нём закипает злость. Но он сдерживается. Потому что я нужна ему. Завтра я — его лицо. Его голос. Его надежда на то, что соседи придут на помощь.

— И ещё, — говорит он тихо. Голос становится ниже. Опаснее.

Я жду.

— Ты переспала с Эйнармом.

Внутри меня всё холодеет. Но я не двигаюсь. Ни мускул на лице. Ни вздох.

— Что? — переспрашиваю я с лёгкой усмешкой.

— Не притворяйся, — он садится на постели. Смотрит сверху вниз. Его тень накрывает меня. — Я знаю. Я видел, как он смотрит на тебя. Как ты смотришь на него. Я не сле-
пой.

Я медленно сажусь рядом с ним. Смотрю в его глаза.

— Он твой казначей. Твой дипломат. Твой самый сильный воин, если не считать Бьорна. Ты сам отправил его со мной. Что ты хочешь услышать, Гримхорд ?

Он сжимает челюсть.

— Я хочу знать, что у него в голове.

Я улыбаюсь. Той самой улыбкой — ехидной, скользкой, как змеиная кожа.

— Ты хочешь знать, что у него в голове? Тогда молись, чтобы я продолжала спать с ним. Потому что только так я могу вытащить из него всё, что он думает. Ты же сам учил меня — узнавай врага через его постель.

Гримхорд смотрит на меня. Долго. В темноте его глаза кажутся двумя углями.

— Ты играешь с огнём, Конан.

— Я всегда играю с огнём, Гримхорд. Ты сам меня этому научил.

Он молчит. Потом ложится обратно. Отворачивается к стене.

Я тоже ложусь. Смотрю в потолок. Слышу его тяжёлое дыхание.

Он подозревает. Но он не знает правды. Он не знает, что мы с Эйнарсом уже всё решили. Что каждый мой шаг — не ради него. А ради того дня, когда я перережу ему горло.

Я усмехаюсь в темноте.

Он думает, что контролирует меня. Что я его игрушка. Его гадюка в клетке.

Он ошибается.

Глава 5

Я проснулась от холода.

Солнце ещё не взошло, но воздух уже стал серебряным — тот особый утренний свет, который бывает только перед рассветом. Я лежала одна. Гримхорд уже ушёл — он встал раньше меня. Дверь была приоткрыта, и сквозь щель тянуло сыростью.

Я встала. Надела самую лучшую одежду — ту, что Гримхорд привозил с торговли. Тёмно-синюю, почти чёрную, с серебряной вышивкой на рукавах. Она подходила к моим волосам. Я знала, что сегодня должна выглядеть как его лицо. Как его голос. Как его власть.

Я вышла из дома.

Племя просыпалось. Люди разжигали костры, дети таскали хворост. Пахло дымом и сырой землёй. Где-то ржали лошади — их готовили к нашему отъезду.

Я направилась к главному костру. Валар всегда сидел там по утрам. Старый, с одной рукой, с лицом, испещрённым морщинами как сухая земля. Он уже ждал меня, как всегда. Сидел на бревне и грел оставшуюся руку у огня.

Я села рядом.

Он долго молчал. Я тоже.

— С добрым утром, Конан, — наконец сказал он.

— С добрым утром, Валар.

Он усмехнулся, но улыбка была грустной. Не такой, как обычно.

— Сегодня ты уезжаешь.

— Да.

— Хорошо. Уезжай. И не возвращайся.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Валар, что ты говоришь?

Он не отвёл взгляда. Его глаза — мутные, но цепкие — смотрели на меня с такой странной уверенностью, будто он знал что-то, чего не знала я.

— Ты слышала, что я сказал. Уходи и не возвращайся.

— Мне нужно вернуться, — сказала я. — У меня есть дело здесь.

— Месть?

Валар усмехнулся. Но в его усмешке не было насмешки. Только усталость.

— Конан, я знаю, что ты задумала. Я знаю, что ты хочешь сделать. Но не стоит мстить. Судьба сама отомстит за тебя.

Я посмотрела на него. Я никогда не видела его таким.

— Что ты знаешь, Валар?

— Знаю больше, чем должен, — тихо сказал он. — И меньше, чем хотелось бы.

Он замолчал. Смотрел на огонь. Потом вытащил из-за пазухи маленькое ожерелье.

Медное. Тонкое. С маленьким камнем цвета крови.

— Это было жены моей, — сказал он.

Я вздрогнула.

— Ты никогда не говорил о ней.

— Потому что говорить — это помнить. А помнить — это болеть.

Он перевернул ожерелье в пальцах.

— Гримхорд отнял её у меня, — сказал он. — Так же, как отнял у тебя всё. Он взял её силой, а потом убил, когда она отказалась быть его игрушкой.

Моё сердце замерло.

— Валар...

— Я думал о мести столько лет, — перебил он. — Хотел вонзить нож ему в горло. Но я старый. У меня одна рука. И я понял, что моя месть не будет такой сладкой, как я думал. Иногда больно смотреть на то, как судьба сама выстраивает пути, и ты просто должен верить, что они ведут туда, куда нужно.

Он протянул мне ожерелье.

— Возьми.

— Зачем?

— Ты уезжаешь. Возьми его. Пусть оно охраняет тебя.

Я взяла ожерелье. Оно было тёплым от его пальцев.

— Я ничего не понимаю, Валар.

— И не надо, — он улыбнулся. — Просто запомни: уходи и не возвращайся. Если ты вернёшься — может случиться то, чего я боюсь больше всего.

— Что?

Он посмотрел на меня. Его глаза были уверенными. Слишком уверенными.

— Ты умрёшь, Конан. Но не от руки Гримхорда. От руки тех, кто придёт. А они придут. Очень скоро.

Я хотела спросить, кто. Хотела потребовать ответа. Но Валар уже отвернулся к костру.

— Ступай, — сказал он. — Они ждут тебя.

Я встала. Ожерелье сжалось в ладони. Я спрятала его под одежду. Оно легло на грудь — холодное, но греющее.

Я пошла к воротам.

Там уже собрались. Десять воинов. Лошади. Эйнар стоял у главного коня — черного, как смоль. Он смотрел на меня с тем же холодным уважением.

Но Гримхорд тоже был там.

Он стоял у ворот, широко расставив ноги, сложив руки на груди. Как вождь. Как хозяин. Он не улыбался. Он смотрел на меня. И на Эйнара.

Когда я подошла ближе, он шагнул ко мне. Схватил за плечи так сильно, что чуть не оставил синяков. Притянул к себе. И поцеловал.

Грубо. Показательно. Долго. Так, чтобы все видели. Чтобы Эйнар видел. Чтобы каждый воин, каждый житель у стен, каждый дух в этом проклятом мире понял: она моя.

Я не сопротивлялась. Я знала эту игру. Я позволила ему.

Он отстранился. Посмотрел мне в глаза. Его рука скользнула по моим волосам.

— Вернись ко мне, Конан.

— Вернусь, — сказала я.

Он усмехнулся. Посмотрел на Эйнара.

— Береги её. Если она не вернётся, я буду знать, кто виноват.

Эйнар не дрогнул.

— Она вернётся, вождь. Я даю слово.

Гримхорд кивнул. Отступил.

Я забралась на лошадь. Эйнар рядом. Десять воинов за спиной.

Я оглянулась на племя. На стены. На дым, поднимающийся над домами.

Валар стоял у костра. Смотрел на меня. Я видела его даже сквозь расстояние.

Мне казалось, или он улыбался? Улыбался так, будто знал что-то, чего я никогда не пойму.

Я повернулась вперёд.

— Мы едем, — сказала я.

И мы поехали.

Ворота закрылись за нами. Земля под копытами была сырой. Лес впереди тёмный, плотный. Но я не боялась.

В груди лежало ожерелье. На душе — странное спокойствие.

Я не знала, что ждёт меня впереди. Но я знала одно: я не вернусь в племя такой, какой уехала. И если Валар прав — если судьба сама всё расставит по местам...

Я буду ждать.

Глава 6

Лес встретил нас сыростью и тишиной.

Деревья стояли плотной стеной, переплетённые корнями и ветвями. Солнце почти не пробивалось сквозь кроны — только редкие лучи, как золотые нити, пронзали полумрак. Воздух пах гнилью и землёй. Мы ехали молча. Десять воинов за спиной, Эйнар справа, и я впереди.

Я чувствовала их взгляды. Они смотрели на меня не как на наложницу — как на ту, кто ведёт. Валар говорил, что у меня есть сила. Может быть, он был прав.

Через несколько часов лес начал редеть.

Мы вышли на равнину, и мир распахнулся перед нами. Бескрайняя зелёная степь, уходящая до горизонта, где небо сливалось с землёй. Трава была выше колена, колыбалась на ветру, как море. Где-то вдалеке паслись стада диких лошадей. Небо над нами было светлым, но холодным. Ветер нёс запах травы, земли и чего-то далёкого, почти забытого.

Мы остановились на минуту. Я смотрела вперёд и чувствовала, как внутри разливается странное спокойствие.

— Далеко ещё? — спросила я.

— К утру будем, — ответил Эйнар. — Если не встретим гостей.

Он улыбнулся. Я знала, что он имел в виду.

Мы двинулись дальше.

Они появились из ниоткуда.

Степь, казалось, была пуста, но я знала — гоблины умеют прятаться даже в открытом поле. Они выскочили из высокой травы с визгом и хрипом. Чёрные, кривые, с жёлтыми глазами и длинными когтями. Их было около пятнадцати.

Я выхватила меч. Рука не дрогнула.

Первый бросился на меня — низкий, коренастый, с ржавым ножом в руке. Я ушла в сторону, развернулась и рубанула по шее. Голова покатилась по траве. Тело упало у моих ног.

Второй был быстрее. Я не успела уйти — он вцепился когтями в руку, и я почувствовала боль. Но я не отступила. Я ударила его локтем в лицо, а когда он отшатнулся, всадила меч в грудь. Он упал на колени, зашипел и затих.

Третий был сильнее. Он стоял прямо, смотрел на меня. Он понимал, что я не простая добыча. Он ждал.

Я выдохнула и шагнула вперёд.

Мы сошлись. Он атаковал, я парировала. Клинок зазвенел о костяной щит. Он бил быстро, но я держалась. Но он был сильнее. Он отбросил мой меч в сторону и замахнулся на меня. Я отшатнулась, споткнулась о труп первого и упала на землю.

Гоблин навис надо мной.

Я закрыла глаза.

Но удара не было.

Я открыла глаза. Эйнар стоял надо мной. Его меч был в

груди гоблина, и тот даже не пикнул. Эйнар вытащил клинок, гoblin упал на траву, и он посмотрел на меня сверху вниз.

— Ты долго думаешь, — сказал он. — Дай ему себя прижать, и он убьёт тебя.

Он протянул мне руку. Я взяла её, встала, отряхнулась.

— Я справилась с двумя.

— Два — это хорошо, — сказал он. — Но третий тебя чуть не прикончил. Ты знаешь, кто такой Гримхорд?

Я промолчала.

— Он не гoblin. Он воин. Великий воин. И если ты хочешь перерезать ему горло, ты должна быть быстрее, чем сейчас. Ты должна чувствовать противника, а не просто рубить. Я тренирую тебя не ради забавы, Конан. Я тренирую тебя ради твоей жизни.

Я сжала челюсть. Он был прав. И это бесило.

Мы пошли дальше.

Мы остановились на привал в середине дня.

Степь расстилалась вокруг, и небольшой холм стал нашим укрытием. Воины развели костёр — низкий, почти незаметный. Кто-то достал мясо, кто-то воду. Я сидела на траве, прислонившись к седлу.

Эйнар стоял рядом.

— Не злись, — сказал он. — Ты сильнее, чем думаешь. Но ты должна быть сильнее, чем он.

— Я знаю.

Он сел рядом.

Десять воинов сидели вокруг костра. Я смотрела на них, и мне казалось, что я вижу их впервые. Они смотрели на Эй-нара с уважением. На меня — с интересом.

— Эйнар, — сказал один из них, широкоплечий мужчина лет тридцати с рыжей бородой. — Когда уже?

Эйнар посмотрел на него. В его взгляде мелькнула искра.

— Скоро. Всему своё время.

— Я не о том, — усмехнулся рыжий. — Я о другом. Мы ждём. Ты знаешь, мы все ждём. Когда ты скажешь — мы пойдём за тобой. За вами обоими.

Он посмотрел на меня. Я почувствовала, как в груди что-то сжалось.

— Мы знаем, Конан, — сказал рыжий. — Мы знаем, что ты не просто наложница. Мы знаем, что ты хочешь сделать. И мы поддержим вас. Гримхорд давно перестал быть вождём. Он просто тиран. Мы устали от него. И Ульфар с Халвданом — они только хуже.

Я смотрела на него. На каждого из десяти. Они смотрели на меня как на свою. Я видела это в их глазах. Не как на гадюку. Как на союзницу. Как на ту, кто приведёт их к свободе.

— Ты уверен? — спросил Эйнар.

— Мы все уверены, — ответил рыжий. — Мы готовы.

Эйнар кивнул. Он повернулся ко мне.

— Видишь, Конан? Ты не одна.

Я молчала. Но внутри меня что-то перевернулось. Там, где была только пустота, теперь появилась искра.

— Расскажи мне о королевствах, — сказала я. — Ты бывал в них. Я хочу знать, как выглядит мир, о котором мы даже не мечтаем.

Эйнар усмехнулся. Он знал, что я делаю — перевожу разговор. Но он позволил.

— Известных городов семь, — начал он. — Настоящих городов. Высокие каменные стены, выше всего, что мы видели. Крепости. Внутри — дома из камня, улицы, рынки. Там живут тысячи людей. Десять, двадцать тысяч. Целые армии. В них есть всё: еда, оружие, ремёсла. Они не знают голода. Не знают страха перед гоблинами.

Воины затихли.

— Королевства, — продолжил Эйнар. — Так их называют. Ими правят короли. Их власть безгранична, как у богов. Их армии — тысячи, а то и десять тысяч воинов. Каждый из них — железо, выкованное в горнах. Для них племена — это дикари. Вожди для них — мусор. Мы для них даже не люди. Просто грязь, которую нужно смыть.

Он сделал паузу. Посмотрел на горизонт.

— Но знаешь, что хуже всего?

Я ждала.

— Племена, которые живут рядом с королевствами, страдают больше всех. Короли не терпят соседей. Они приходят, забирают всё — скот, зерно, людей. Если ты живёшь рядом с ними, ты или платишь дань, или умираешь. И лучшее, что может случиться с тобой — это когда они просто забывают

о тебе.

Он посмотрел на меня.

— Нам повезло. Мы далеко. Мы потеряны для них. Они не знают о нас. Им всё равно на нас. И это хорошо. Потому что если бы они знали — нас бы уже не было.

— Зачем им это? — спросила я. — Если у них есть всё?

— Чтобы у них всегда было всё, — ответил Эйнар. — Чтобы никто не мог у них отнять. Чтобы другие племена не превратились в королевства. Они сильны, потому что мы слабы. И они боятся, что однажды мы станем сильнее.

— Но мы никогда не станем, — тихо сказал рыжий.

— Не станем, — согласился Эйнар. — Поэтому нам лучше, что они нас не знают. Мы для них — ничто. И это нас спасает.

В тишине было слышно только потрескивание костра.

— Конан, — сказал Эйнар. — Ты спрашиваешь о городах, потому что думаешь, что сможешь когда-нибудь жить там?

Я посмотрела на него.

— Я не думаю о городах, — сказала я. — Я думаю о том, чтобы выжить сегодня.

Эйнар кивнул. Он понимал.

Ночь опустилась на степь. Звёзды горели ясно и холодно. Мы разбили палатку — маленькую, но удобную.

Внутри было темно. Мы лежали на шкурах, и я слышала, как бьётся его сердце.

Эйнар поцеловал меня. Его губы были мягкими и тёп-

лыми. Он был единственным, кого я пускала близко. Единственным, кому доверяла.

Мы занимались любовью долго. И когда я лежала на его плече, я чувствовала, что я жива. Что я могу чувствовать. Что я не просто гадюка, наложница, оружие.

Я — женщина. И я могу любить.

Снаружи я слышала смех воинов. Они сидели у костра, пили что-то, смеялись.

— Дайте им, дают, — услышала я голос рыжего.

— Завидуешь, Ульф? — ответил кто-то.

— Я завидую, что он успел раньше меня, — засмеялся рыжий.

Я усмехнулась в темноте. Эйнар тоже.

— Слышишь? — сказал он. — У тебя есть власть, Конан. Даже над моими людьми.

— Я знаю.

Он поцеловал меня в лоб.

— Спи. Завтра мы будем в племени.

Утро было серым и холодным.

Мы ехали ещё шесть часов. Впереди показались стены. Деревянные, высокие, как у нас. Но больше. Их племя было больше нашего — почти сто тридцать человек.

Мы остановились перед воротами.

Я смотрела на них и чувствовала, как в груди закипает странный холод. Я не знала, что нас ждёт внутри. Но я знала одно: мне нужно верить.

Ворота открылись.

Глава 7

Ворота открылись, и мы въехали внутрь.

Племя Ветров — так они себя называли. И я сразу поняла, почему. Ветер здесь был повсюду. Он гулял между деревянными домами, трепал шкуры на воротах, нёс запах дыма, травы и чего-то чужого. Племя было больше нашего. Почти сто тридцать человек. Дома выше, стены крепче. Здесь чувствовалась сила. Другая. Не такая, как у Гримхорда.

Люди смотрели на нас. Кто-то с интересом, кто-то с настороженностью. Я чувствовала их взгляды на своей коже. Мои синие волосы и оранжевые глаза всегда привлекали внимание.

Их вождь стояла у главного дома.

Женщина. Лет сорока пяти. Волосы тёмные, с проседью, заплетённые в тугую косу. Лицо с резкими чертами, глаза — холодные, цепкие. Она смотрела на нас, и я видела, как её взгляд задержался на Эйнаре. Дольше, чем на мне. Намного дольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.